

ЗАБОТЫ
ДЕПУТАТА

Москва. Старший инженер Научно-исследовательского института технологии и организации производства коммунист Людмила Викторовна Семенова является депутатом Советского районного Совета народных депутатов столицы. Свою депутатскую деятельность она осуществляет по двум основным направлениям. Первое — это работа в постоянной комиссии исполнкома по жилищному хозяйству, в которой Л. В. Семенова занимается вопросами благоустройства микрорайона, улучшения жилищных условий своих избирателей и вопросами подготовки жилого фонда к зимнему сезону. Второе — это прием жителей района, контроль за исполнением наказов избирателей и

1

«МУДРЫЙ» И ДРУГИЕ

В домашнем архиве сохранился небольшой, уже потрескавшийся снимок, которому более 40 лет (его я передал в музей медикомбината). На нем — группа разведчиков, замечательные хлопцы.

Это они и еще многие боевые друзья вели дальнюю и близкую разведку, боевую и агентурную, фактическую и психологическую. Не раз, уйдя на задание, они неделями пропадали в чужих краях. Старились воедино собрать все многочисленные хлопцы.

Особенно много пишут о сме-

имени, ни по фамилии. Бойцы звали его просто Карпо. Авторитет этого командира был чрезвычайно высок и в роте, и в отряде.

Иногда у меня спрашивают:

— А как давались прозвища — по должности, по положению?

А как ребята их часто метко дают друг другу? Вот и паренек Коля стал «Мудрым» за пристрастие анализировать все, что происходило вокруг. Из врагов никто не подумает, даже если Коля им и попадется, что «Мудрый» — это он и есть, а не убеленный сединой мудрый старик. Один из бывших армейских саперов ни о чем не мог коротко рассказать и за подробностями трудно было увидеть существа дела — быть ему «Водичкой». За свою пышную, окладистую бороду Вершигора получил прозвище «Борода». 14-летнего мальчишку Мишу в разведке звали только по имени и отчеству: «Михаил Кузьмич» за то, что он в первые дни войны оказался в семье старшего кормильца.

ЛЕГЕНДА О САМОЛЕТЕ

У многих разведчиков был свой стиль работы, если хотите — классический, почерк, Гомозов, Михаил Федоренко, Вания Архипов, Горкунов, Ленкин — отчаянные, решительные, хитрые. Митя Черемушкин — вологодский охотник, он и на марше ходил осторожной поступью, приюхиваясь к дороге в лесу.

Очень уважали в отряде народного учителя белоруса Кашицкого. Он быстро паловчился пускать в ход магнитные мины замедленного действия. Они взрывались: то возле ночных постов немцев, то под несгораемым шкафом районной жандармерии.

Особенно много пишут о сме-

ЗАПИСКИ ПАРТИЗАНА

на конкурс
к 40-летию
ПОБЕДЫ

СХВАТКА

«Шума» разведчики делали немало. Но все-таки диверсионные задачи перед нами ставились не часто. Роль разведчиков была другой — она сводилась к тщательному наблюдению, умению разобраться в движении врага, умению найти вблизи дороги в населенных пунктах своих людей и вовлечь их в разведку.

Передовое подразделение должно было обеспечить безопасное продвижение колонны. Но не раз бывало, что впереди отряда разгоняли в селах полицию, мелкие группы фашистов, разрезали связь, подбивали на дорогах машины, брали «языков».

Однажды на марше подъехало мне адъютант Ковпака:

— Срочно вызывают в штаб.

А там начальник штаба Базыма отдал приказ:

— Расквартируйте дивизию на ночной отдых в селах.

Отметил на карте населенные пункты, в которых надо разместить четыре полка, штабы, хозяйств, санчасть и т. д. Всем взводом мы были одеты в немецкую форму. На взмыленных конях, разделенный на группы, взвод на четыре часа определил дивизию и сделал все, что требовалось. А на одной богатой усадьбе в фольварке, где было удобно разместить командование, потому что отсюда местность просматривалась в бинокль очень далеко, мы вдруг увидели в чужой форме часового.

Так неожиданно напоролись на часоидей. Нас они приставили как немцев, но сокрет раскрылся быстро. И хотя было оказано сопротивление, вопрос с ними тоже решили быстро. А из оказавшегося там одного немца своим клинком командир отделения Погребной сделал два фрица, но уже не опасных для нас.

ледования основных сил. Они, увязавшись за одной из групп, будут ее преследовать, а остальные в это время уйдут. По заданию Ковпака мы с его отважным земляком и верным человеком И. Сечиным должны были найти начальника штаба разведки Войцеховича, который где-то затерялся в горах с группой партизан.

Отошли от группы, которую вел сам Ковпак, примерно на 20 километров, наткнулись на колонну фашистских танков. Укрылись в реке. Потом блуждали несколько суток. Взяли с собой местного проводника, который уверял, что знает дорогу и немцев рядом нет. А ночью на дороге под вспыхнувший яркий свет машины раздалась пулеметная очередь, которая прошила Сечина. Я тут же разрядил пистолет в проводника-предателя, бросил лимонку в машину.

И хотя стрельба продолжалась, промежная тьма помогла скрыться в горах... В неизвестной местности, ориентируясь по звездам, через засады националистов, только через месяц я добрался до наших. Эти скиания в одиночку словами трудно описать, сколько было пережито.

— А мы думали ты погиб, — обратился Ковпак, когда я пришел к нему на доклад. — Я тебя поздравляю и к медали представляю.

Тогда, кроме основных шести групп, еще десятки мелких групп и одиночек больше месяца собирались на основную базу. Наша откочевавшая разведчики, понимаясь чутью партизанского инюха, тоже находили свой отряд.

За храбрость любили разведчиков, за смелость уважали. Это я видел и в других отрядах, где приходилось бывать по оперативным соображениям — Северон и Фе-

кавшийся снимок, которому более 40 лет (его я передал в музей медкомбината). На нем — группа разведчиков, замечательные хлопцы.

Это они и еще многие боевые друзья вели дальнюю и близкую разведку, боевую и агентурную, фактическую и психологическую. Не раз, уйдя на задание, они неделями пропадали в чужих краях. Стارались воедино собрать все многочисленные факты и даже слухи, чтобы по ним воссоздать общую картину. А оперативные задачи, когда ты на час или на несколько километров впереди или в стороне отряда, приходилось выполнять срочно.

Каждый из разведчиков — личность, исключительный характер. А знали мы друг друга, в основном, по прозвищам — это требовала работа в тылу: «Мудрый», «Князь», «Усач», «Батько», «Упырь», «Шингалет», «Плосконос». Один мой первый командир Карпенко был без клички, но никто не называл его ни по

логодский охотник, он и на марше ходил осторожной поступью, принюювшись к дороге, к лесу.

Очень уважали в отряде народного учителя белоруса Кашицкого. Он быстро наловчился пускать в ход магнитные мины замедленного действия. Они взрывались: то возлеочных постов немцев, то под несгораемым шкафом районной жандармерии.

Особенно много шума и сме-ха вызвал взрыв мины на печке у начальника «бюро труда», подлеца, ведавшего угоном в Германию наших людей. Взрыв случайно произошел тогда, когда через Житковичи к нам летел самолет.

Одной бомбой летчики разбомбили гнездо самого ненавистного человека в районе, — всюду населением распространялись слухи, а мы никого не разубеждали в этом.

Легенды о самолетах, специально нащупывающих гнезда отъявленных изменников, играли свою роль. Они усиливали эффект борьбы, вселяя уверенность людям в неумолимое возмездие.

Лась в окно коль очень далеко, мы вдруг увидели в чужой форме часового.

Так неожиданно напоролись на власовцев. Нас они приветствовали как немцев, но секрет раскрылся быстро. И хотя было оказано сопротивление, вопрос с ними тоже решили быстро. А из оказавшегося там одного немца своим клинком командир отделения Погребной сделал два фрица, но уже не опасных для нас.

Тогда мы доставили в штаб дивизии 16 пленных, 8 подвод вооружения, боеприпасов и военного имущества. Много из награбленного немцами у русских добра тут же раздали населению.

НЕ ПОГИБ!

Это были наши коллективные действия. И сразу же вспоминается еще один эпизод, где пришлось хлебнуть горя, как говорится, выше всякой нормы.

Когда дивизия вышла из окружения после боя в Делятино, командование разбило ее на несколько групп, чтобы запутать врага, отвлечь немцев от прес-

ти групп, еще десятки мелких групп и одиночек больше месяца собирались на основную базу. Наши отколовшиеся разведчики, повинуясь чутью «партизанского инюха», тоже находили свой отряд.

За храбрость любили разведчиков, за смелость уважали. Это я видел и в других отрядах, где приходилось бывать по оперативным соображениям — у легендарных Сабурова и Федорова, Комарова, Наумова. Ходили мы лесными тропами и дорогами, которыми пребирался в отряд Медведева наш прославленный разведчик Николай Кузнецов. Встречались нам отряды чисто разведывательные и диверсионные, конные и пешие, громоздкие с обозами, с домашним скарбом и скотом. Были на пути и боевые подпольные группы.

Борьба велась разными методами, но успех, как правило, приходил только после тщательной разведки.

П. ТОЛМАЧЕВ,
партизан Великой
Отечественной войны.

ЗАПИСКИ ПАРТИЗАНА

НА КОНКУРС
К 40-ЛЕТИЮ
ПОБЕДЫ

6. ПАМЯТЬ СЕРДЦА СТУЧИТ

Уходят годы, а подвиг товарищества становится все ярче. Героически вели себя в суровых условиях не какие-то особые люди, а самые простые и рядовые, с мирными профессиями. И мы, ветераны, обязаны научить молодежь понимать суть подвига советского солдата, чтобы видели юноши и девушки не только порыв «Вперед!», а тяжкий труд войны, труд на пределе сил.

18 ОБЛАСТЕЙ Украины, России и Белоруссии прошли мои товарищи — партизаны по тылам врага только от Путилки до Карпат. Многое геройских страниц записано в историю за этот рейд. Самая важная из них в том, что была выполнена главная задача — взорвано десятки нефтяных вышек и нефтехранилищ, несколько нефтеперегонных заводов. Пламя пожаров озарило склоны гор. В особо важный период наступления наших войск враг был лишен стратегического горючего. Приказ Сталина мы выполнили.

Но на этих самых горах нас зажали фашистские горные стрелки, эсэсовцы. Кони летели в пропасти, раненых товарищеских несли на себе. Вместе с осколками от бомб летит водопад камней. Кончились продовольствия. Шли не пожди, а сплющенной стеной на нас падал ливень. Но поскольку дней не просыхала одежда.

Из окружения мы тогда вырвались. Но разве оторвешься от противника, который преследует на автомашинах и самолетах, а ты пеший несешь груз на себе. Голодные люди жаждут вырваться на равнину, где хлеб, а их, только что спустившихся с гор, опять ведут

ими кучку фашистов, а потом началась пистолетная дуэль. Стрелял он из маузера прицельно. Но наседала вторая партия немцев. Наш отважный командир был ранен, но живым его фашисты не взяли — Карпенко застрелился последним патроном. А фашисты от его руки не досчитались в своих рядах 27 человек.

Карпенко посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Весть о награде приглянула, но горечь потери тяжела. Он мог бы на победу еще повоевать, проявив осторожность.

Мертвых не судят, но уроки из их действий извлекают.

БЫЛ у нас в отряде еще один бесстрашный воин, который командовал артиллеристами — Давид Бакрадзе. Прильнув к орудиям, товарищи ему сказали:

— Умрем с честью.
Грузин ответил:

— А кому она нужна такая честь, если все погибнем и не победим? Ты сделай смерть врагу, а сам останься жив — это будет честь!

Понятно, что на войне без смерти не бывает. И многие мои товарищи приняли ее с честью. Мы преклоняемся перед их подвигом. Но каждый все-таки мечтал, что именно он останется жив.

Но, как видим, бывает всякое. Часто не знаешь, где костьлявая тебя подстерегаст. Так поглощено и с Карпенко случилось. А вот, когда стояли мы в Аравицах, немцы вообще не решались на нас наступать, Неподалеку железные дороги Овруч — Мозырь, Овруч — Чернигов, места, как говорится, «горячие», а мы почти спокойно больше месяца вели разведку правого берега Днепра.

Наше неожиданное появление в этих местах, где не было сильных войск противника, не

Такое напряжение, что в глазах становилось темно, не знали, что делать с ранеными, пили из луж.

А только вырвемся из лап немцев, обхитрим их, огнешим — и снова по несколько дней сами ищем встречи с врагом.

Вспоминается такой факт. Сначала наши командиры не думали брать Скалат, планировали обойти его. А когда там побывала разведка, узнала о наличии вражеских сил, отряд такой налет совершил, что сами удивились, с какой легкостью можно брать города: быстро, с малыми потерями.

В Скалате мы выпустили из тюрьмы несколько сот осужденных на смерть евреев. Нам достались богатейшие трофеи — взрывчатка, медикаменты, сигареты, мануфактура, консервы, сахар, мука. Вещевые и продовольственные склады были велики. Большую часть добычи партизаны раздали населению.

Сейчас трудно объяснить, как делали невозможное. Видимо, опасность во всей глубине выявляет скрытые силы и способности человека.

7. ГЕНЕРАЛ КОВПАК

В бой нас вели отважные, грамотные, предусмотрительные командиры. Мы им полностью доверяли, в какую бы глушь не завели, в какой бы рейд не отправились. У нас даже был закон никогда не спрашивать, куда, зачем, каким путем идем.

Мы прошли в лесах и горах большую восинную школу. И нам прилетал начальник Украинского штаба партизанского движения генерал-майор Т. А. Строкач, товариши из ЦК комсомола Украины. Два месяца вместе с ковпаковцами был секретарь ЦК КП(б)У Д. С. Ко-

кой Отечественной войны Ковпак работал председателем горсовета в Путилве. Это небольшой городок на берегу Сейма. Ему шел тогда 56-й год.

В первую мировую он был рядовым солдатом, связистом, разведчиком. В гражданскую командовал партизанским отрядом. Был в походе вместе с Пархоменко, служил в дивизии Чапаева. Имел два георгиевских креста. Так что наши враги давно знакомы с ним, поэтому одно имя «Ковпак» вызывало трепет у немецких захватчиков.

Какой он был Ковпак?

Отважный.

В Бухче во время боя ходил по улицам. Потом у него спрашивали: зачем? «А чтобы люди видели, что командир жив».

Анализируя неудачи, говорили:

— Недостатки — это наша кровь, трусость — кровь, глупость — тоже кровь наша.

А если кто-то из командиров или партизан загнет в чем-то, не так опишет бой, Ковпак возмущался:

— От же не люблю брехни. Брехня мие — нож в сердце. Мы за правду боремся и приучать людей надо по правде жить.

В 1942 году Ковпаку присвоено первое звание Героя Советского Союза. В своих листовках немцы не раз объявляли, что дают за его голову 10 тысяч рублей, потом цену повышали — золото по весу Ковпака.

У нас была примета: если ходит Ковпак с автоматом — значит, держи ушки на макушке, а если автомат лежит на тачанке — все в порядке, хотя в бой идет. Иной раз с фантистами жаркая схватка, а товарищ просит:

— Сбегай глянь, где автомат Деда.

следует на автомашинах и самолетах, а ты пеший несешь груз на себе. Голодные люди жаждут вырваться на равнину, где хлеб, а их, только что спустившихся с гор, опять ведут в горы, где ничего нет для питания, кроме надоевшей всем черники. По тебе стреляют, а у тебя патроны кончились.

МОЛОДЫЕ должны знать об этих сложностях. Как сказано в одном стихотворении: «Чем правдивее о войне, тем мужественнее поколение». Иногда некоторые из ребят представляют войну, как в плохой картине: только бросит командр клич «Вперед!» и все сразу смело бегут за ним. Да, было на войне отчаянное проявление геройства — закрывали телом амбразуры, взрывали себя гранатами. Но заметьте, когда воины бежали вперед, то бежали они пригнувшись, припадая к земле, словно силу из нее черпая. Бежали, оставляя за собой трупы. У кого-то был и страх. Главное тут, считаю, другое — мы бежали вперед. И даже если когда пятались, то все равно думали, что скоро поползем вперед, чтобы опять подняться в рост и наступать.

В бою важно было не заснуть, правильно оценить обстановку, если надо, то и отступить. Бессмыслицо рваться вперед — это только делу вредить. Наш отважный Карпенко, о котором я уже рассказывал, был отчаянным, как сорвиголова, ему не страшен был шум и грохот, не пугали немецкие танки, казалось, что он один может вступить в единоборство хоть с ротой немцев. Он много одержал побед и много пользы принес отряду, а в этот раз проявил беспомощность и нарвался на засаду. В бою погибла почти вся его рота.

Карпенко был одет в форму немецкого офицера. Ему, окруженному, немцы кричали:

— Рус, сдавайся.

— Рус, живой будешь, жить хорошо будешь.

Они ему вина и девочек обсыпали, а сами все плотнее сжимали кольцо. Карпенко бросил три гранаты, разметал

«горячие», а мы почти спокойно больше месяца вели разведку правого берега Днепра.

Наше неожиданное появление в этих местах, где не было сильных войск противника, немцев здорово «смутило». И они боялись сунуться сюда. А мы тоже не горячились, нам нужна была разведка. Ихмы считали, что партизаны свыше 15 тысяч, а на самом деле было около двух тысяч.

С ПОКОЙНО отряд выполнил то задание. Но случалось, что не разберешься, где немцы, где партизаны, кто кого атакует — все перемешалось. Вот пример: во встречном бою после прорыва через Делятино исчезла куда-то группа партизан во главе с Рудневым, и не смогли мы их найти, не смогли помочь. Все погибли вместе с комиссаром Руднев — наш любимый комиссар. Как и о других товарищах, до сих пор стучит о нем память в сердце.

Положения бывали и совсем отчаянными, безнадежными. Без боеприпасов, оборванные, опухшие от голода, полуобосные или все дальше, не зная куда.

Перед самым началом Вели-

ния генерал-майор Т. А. Строкач, товарищи из ЦК комсомола Украины. Два месяца вместе с ковпаковцами был секретарь ЦК КП(б)У Д. С. Коротченко. Перед походом в Карпаты он перенес с нами все тяготы, лишения и опасности. Мы его знали как «товарищ Демьян». Партизаны часто у костра беседовали с ним.

Вы представляете, товарищи, как себя чувствовали партизаны, когда в своих рядах видели секретаря ЦК. В лесу появляются немцы, он тоже берет автомат. Наводим переправу через реку, вместе с нами в ледяной воде товарищ Демьян.

— Ковпаковцы — это имя героическое, дорожите ими — говорил нам товарищ Демьян.

Тогда отряд еще не посыпал официально имени Ковпака. А все нас уже звали «ковпаковцами». Имя нашего командира присвоено дивизии, когда Сидор Артемович уже был дважды Героем Советского Союза и когда его отозвали в Центр, а командиром назначили Вершигору.

Перед самым началом Вели-

кому все в портупе, хотя и бой идет. Иной раз с фашистами жаркая схватка, а товарищ просит:

— Сбегай глянь, где автомат Деда.

В фильмах или на рисунках Ковпак часто изображают в длинной шубе. Это была трофейная длиннополая мадьярская шуба, которую партизаны сняли с убитого венгерского офицера. Шуба напоминала поповскую рясу, но Ковпак ее очень любил, потому что он мерз, а в ней тепло: шуба на меху.

Ходил он в деревенской мягкой шапке, потом сменил ее на гущульскую шляпу. Но самой большой радостью для всех было, когда Ковпак одевал генеральскую фуражку и китель с погонами.

Это весьма примечательный момент. Пятым командирам партизанских соединений были присвоены генеральные звания: Ковпак, Руднев, Сабуров, Федоров и Наумов. Мы гордились, что наших двое. Правда, к этому долго не могли привыкнуть, иногда старину ворчали:

— То были люди как люди, а теперь — генералы, — и часто путались, обращаясь:

— Товарищ майор-генерал Сидор Артемович..

На такие обращения Ковпак добродушно улыбался. Оп, можно сказать, был теплый человек. Но если увидит несправедливость, мародерство или заметит пьяницу, то так свирепел, что кажется выхода гневу нет. Бывало перед носом и пагайкой помашет. В таких случаях на «крепкие» слова не скучился.

Походным штабом Ковпака была тачанка. Это подарок местных жителей: тачанка в упряжке тройки рысаков, с нарядной сбруей. Местные жители не только делали такие приятные подарки. Они оказывали помощь продовольствием и вещами, прятали раненых, помогали выявлять предателей.

— Народ любит партизан, — не раз повторял Ковпак. — Задача партизан — освободить народ от фашистского ярма.

П. ТОЛМАЧЕВ,
партизан Великой Отечественной войны.



Налет партизан на железнодорожную станцию.